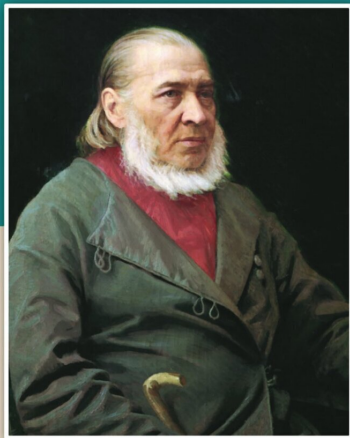

ОХОТА И РЫБАЛКА

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

СЕРГЕЙ АКСАКОВ

Сергей Тимофеевич Аксаков
М. В. Строганов
Охота и рыбалка.
Избранные сочинения

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67555196

Охота и рыбалка. Избранные сочинения: Белый город; Москва; 2021

ISBN 978-5-485-00665-5

Аннотация

Русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков известен и как автор замечательной сказки «Аленький цветочек», и как мемуарист, и как автор автобиографической трилогии о жизни русского дворянского семейства. Но в эту книгу входят его рассказы об охоте и рыбной ловле, которыми в XIX веке увлекались многие русские писатели. Охота и рыбная ловля позволяют человеку почувствовать свое единство с природой. Это было важное открытие С.Т. Аксакова-писателя, и все остальные авторы вольно или невольно следовали за ним.

Для широкого круга читателей.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

От составителя	5
Вступление	7
Записки об ужении рыбы	14
Вступление	15
«Предисловие к 3-му изданию»	22
Происхождение удочки	23
О выборе места	25
Прикормка	34
Об умении удить	38
О рыбах вообще	60
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Сергей Аксаков
Охота и рыбалка
Избранные сочинения

* * *

© Строганов М. В., составление, подготовка текста, послесловие, 2021

© Издательство «Дарь», 2021

© Издательство ООО ТД «Белый город», 2021

От составителя

В настоящей книге мы собрали рассказы Сергея Тимофеевича Аксакова, писателя, интересного во многих отношениях, но своими охотничьими рассказами резко выделяющегося среди многих других. Таких рассказов об охоте и рыбной ловле до него не писал никто. Это две его книги «Записки об ужении рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (обе с небольшими купюрами) и отдельные главы из книги «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах».

Современному читателю будет очень интересно познакомиться с повадками птиц и рыб, описанными легким, ясным языком, с большой любовью и вниманием. Н. Г. Чернышевский замечал: «...глупые тетерева, утки, дупели, вальдшнепы, гаршнепы и им подобные и не подозревают, что судьба наделила их таким историком, как г. Аксаков; не подозревают, что в описаниях г. Аксакова они лучше, красивей и вкуснее, нежели на самом деле».

Сергей Тимофеевич Аксаков родился в 1791 г., и настоящее издание приурочено к 230-летней годовщине со дня рождения писателя.

Карл Август Бергнер. Фотопортрет С. Т. Аксакова, 1856 г.

Вступление

Охота, охотник!.. Что такое слышно в звуках этих слов? Что таится обаятельного в их смысле, принятом, уважаемом в целом народе, в целом мире, даже не охотниками?.. «Ну, это уж его охота, уж он охотник», – говорят, желая оправдать или объяснить, почему так неблагоприятно или так странно поступает такой-то человек, в таком-то случае... – и объяснение всем понятно, всех удовлетворяет! Как зарождается в человеке любовь к какой-нибудь охоте, по каким причинам, на каком основании?.. Ничего положительного сказать невозможно. Конечно, нельзя оспорить, что охота передается воспитанием, возбуждается примером окружающих; но мы часто видим, что сыновья, выросшие в доме отца-охотника, не имеют никаких охотничьих склонностей и что, напротив, дети людей ученых, деловых *ex professo*, никогда не слыхавшие разговоров об охоте, – делаются с самых детских лет страстными охотниками. Итак, расположение к охоте некоторых людей, часто подавляемое обстоятельствами, есть не что иное, как врожденная склонность, бессознательное увлечение. Такая мысль всего убедительнее подтверждается, по моему мнению, наблюдениями над деревенскими мальчиками. Сколько раз случалось мне замечать, что многие из них не пройдут мимо кошки или собаки, не толкнув ее ногой, не лукнув в нее камнем или палкой, тогда как дру-

гие, напротив, защищают бедное животное от обид товарищей, чувствуют безотчетную радость, лаская его, разделяя с ним скудный обед или ужин; из этих мальчиков непременно выйдут охотники до какой-нибудь охоты. Один, заслышав охотничий рог или лай гончих, вздрагивает, изменяется в лице, весь превращается в слух, тогда как другие остаются равнодушны, – это будущий псовый охотник. Один, услышав близкий ружейный выстрел, бросается на него, как горячая легавая собака, оставляя и бабки, и свайку, и своих товарищей, – это будущий стрелок. Один кладет приваду из мякины, ставит волосяные силья или настораживает корыто и караулит воробьев, лежа где-нибудь за углом, босой, в одной рубашонке, дрожа от дождя и холода, – это будущий птицелов и зверолов. Других мальчиков не заставишь и за пряники это делать. Чем объяснить такие противоположные явления, как не врожденным влечением к охоте? – Обратив внимание на зрелый возраст крестьян, мы увидим то же. Положим, что между людьми, живущими в праздности и довольстве, ребячьи фантазии и склонности, часто порождаемые желанием подражать большим людям, могут впоследствии развиться, могут обратиться в страсть к охоте в года зрелого возраста; но мы найдем между крестьянами и, всего чаще, между небогатыми, которым некогда фантазировать, некому подражать, страстных, безумных охотников: я знавал их много на своем веку. Кто заставляет в осенние дождь и слякоть таскаться с ружьем (иногда очень немолодого человека)

по лесным чащам и оврагам, чтоб застрелить какого-нибудь побелевшего зайца? Охота. Кто поднимает с теплого ночлега этого хворого старика и заставляет его на утренней заре, тумане и сырости, сидеть на мокром берегу реки, чтоб поймать какого-нибудь язя или головля? Охота. Кто заставляет этого молодого человека, отлагая только на время неизбежную работу или пользуясь полдненным отдыхом, в палящий жар, искусанного в кровь летним оводом, таскающего на себе застреленных уток и все охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота, без сомнения одна охота. Вы произносите это волшебное слово – и все становится понятно.

Оттенки охотников весьма разнообразны, как и сама природа человеческая. Некоторые охотники, будучи страстно привязаны предпочтительно к одной охоте, любят, однако, хотя не так горячо, и прочие роды охот. Другие охотники, переходя с детских лет постепенно от одной охоты к другой, предпочитают всегда последнюю всем предыдущим; но, совершенно оставляя прежние охоты, они сохраняют теплое и благодарное воспоминание о них, в свое время доставлявших им много наслаждений. Есть, напротив, третий разряд охотников *исключительных*: они с детства до конца дней, постоянно и страстно, любят какую-нибудь одну охоту и не только равнодушны к другим, но даже питают к ним отвращение и какую-то ненависть. Наконец, есть охотники четвертого разбора: охотники до всех охот без исключения, го-

товые заниматься всеми ими вдруг, в один и тот же день и час. Такие охотники в настоящем, строгом смысле слова – ни до чего не охотники; ни мастерами, ни знатоками дела они не бывают. По большей части они делаются добрыми товарищами других охотников.

Не разбирая преимуществ одного рода охотников перед другими, я скажу только, что принадлежу ко второму разряду охотников. В ребячестве начал я с ловли воробьев и голубей на их ночевках. Несмотря на всю ничтожность такой детской забавы, воспоминание о ней так живо в моей памяти, что, признаюсь, и на шестьдесят четвертом году моей жизни не могу равнодушно слышать особенного, торопливого чиликанья воробья, когда он, при захождении солнца, скачет взад и вперед, перепархивает около места своего ночлега, как будто прощаясь с божьим днем и светом, как будто перекликаясь с товарищами, – и вдруг нырнет под застреху или желоб, в щель соломенной крыши или в дупло старого дерева. – От ловли воробьев на ночевках перешел я к ловле других мелких птичек волосяными сильями, натыканными в лубок, к ловле конопляными необмолоченными снопами, опутанными веревочкой с сильями, и, наконец, к ловле разными лучками из сетки. Потом пристрастился я к травле перепелок ястребами и к ловле перепелов сетью на дудки. Все это на некоторое время заменила удочка; но в свою очередь и она была совершенно заменена ружьем. Единовластное владычество ружья продолжалось половину мо-

его века, тридцать лет; потом снова появилась на сцене удочка, и, наконец, старость, а более слабость зрения, хворость и лень окончательно сделали из меня исключительного рыбака. Но я сохраняю живое, благодарное воспоминание обо всех прежних моих охотах, и мои статьи о них служат тому доказательством.

Все охоты, о которых я упоминал: с ружьем, с борзыми собаками, с ястребами и соколами, с тенетами и капканами за зверями, с сетями, острогою и удочкой за рыбою и даже с поставушками за мелкими зверьками, — имеют своим основанием ловлю, добычу; но есть охоты, так сказать, бескорыстные, которые вознаграждаются только удовольствием: слушать и видеть, кормить и разводить известные породы птиц и даже животных; такова, например, охота до певчих птиц и до голубей. Первые по крайней мере веселят слух охотников пением, но вторые и этого удовольствия доставить не могут: иногда только услышишь их голос, то есть глухое воркованье. Но я знавал страстных охотников до голубей всех возможных пород: бормотунов, двухохлых, турманов, мохноногих горлиц и египетских голубей. Эти охотники проводили целые дни на голубятне, особенно любясь на голубей мохноногих, у которых мохры, то есть перья, выросшие из ног, до трех вершков длиною, торчали со всех сторон и даже мешали им ходить. Теперь редко встретишь охотников до этих сортов голубей, но в городах и столицах еще водятся охотники до голубей *чистых*, или *гонных*, особенно до тур-

манов, гоньба которых имеет свою красоту. Быстро носясь кругами в высоте, стая гонных, или чистых, голубей то блещит на солнце яркой белизной, то мелькает темными пятнами, когда залетит за облако, застеляющее стаю от солнечных лучей. Турманы имеют особенное свойство посреди быстрого полета вдруг свертывать свои крылья и падать вниз, перевертываясь беспрестанно, как птица, застреленная высоко на лету: кувыркаясь таким образом, может быть, сажень десять, турман мгновенно расправляет свои легкие крылья и быстро поднимается на ту же высоту, на которой кружится вся стая. Такие проделки очень живописны, всякий посмотрит несколько минут с удовольствием на эту живую картину; но охотники с увлечением смотрят на нее по несколько часов сряду, не давая садиться усталым голубям на родимую крышу их голубятни.

Содержание непевчих птиц и даже некоторых из пород дичи в больших клетках или садках имеет уже особого рода прелесть, которая может быть понятна только людям, имеющим склонность к наблюдениям над живыми творениями природы: это уже любознательность.

Несмотря на увлечение, с которым я всегда предавался разного рода охотам, склонность к наблюдению нравов птиц, зверей и рыб никогда меня не оставляла и даже принуждала иногда, для удовлетворения любопытства, жертвовать добычею, что для горячего охотника не шутка.

Воспоминание обо всем этом доставляет мне теперь жи-

вейшее наслаждение, и поделиться моими воспоминаниями с охотниками всех родов – сделалось моим постоянным желанием. Может быть, мой пример возбудит и в других такое же желание. Сколько есть опытных охотников на Руси, круг действия которых был несравненно обширнее моего! Сколько любопытных сведений и наблюдений могли бы сообщать они! Кроме того, что издание таких сведений и наблюдений составило бы утешительное, отрадное чтение для охотников, оно было бы полезно для естественных наук. Только из специальных знаний людей, практически изучивших свое дело, могут быть заимствованы живые подробности, недоступные для кабинетного ученого.

Записки об уженье рыбы

*Делу время и потехе час.
Из книги «Устав сокольничьего пути», писанный
царем Алексеем Михайловичем*

*Охоту тешить – не беду платить.
Охота пище неволи.
Русские пословицы*

Моим братьям и друзьям Н. Т. и А. Т. Аксаковым

*Есть, однако, примиритель,
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель, —
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И – в свои молодые годы.*

*Отрывок из послания к М. А. Дмитриеву, 1850 г.
Январь*

Вступление

Я написал записки об ужении рыбы для освежения моих воспоминаний, для собственного удовольствия. Печатаю их для рыбаков по склонности, для охотников, для которых слова *удочка* и *уженье* – слова магические, сильно действующие на душу. Я считаю, что мои записки могут быть для них приятны и даже несколько полезны: в первом случае потому, что всякое сочувствие к нашим склонностям, всякий особый взгляд, особая сторона наслаждений, иногда уяснение какого-то темного чувства, не вполне прежде сознанного, – могут и должны быть приятны; во втором случае потому, что всякая опытность и наблюдение человека, страстно к чему-нибудь привязанного, могут быть полезны для людей, разделяющих его любовь к тому же предмету.

Ужение, как и другие охоты, бывает и простою склонностью и даже сильною страстью: здесь не место и бесполезно рассуждать об этом. Русская пословица говорит глубоко и верно, что *охота пуще неволи*. Но едва ли на какую-нибудь человеческую охоту так много и с таким презрением нападают, как на тихое, невинное ужение. Один называет его охотою празднотлюбцев и лентяев; другой – забавою стариков и детей; третий – занятием слабоумных. Самый снисходительный из судей пожимает плечами и с сожалением говорит: «Я понимаю охоту с ружьем, с борзыми собаками – там мно-

го движения, ловкости, там есть какая-то жизнь, что-то деятельное, даже воинственное. О страсти к картам я уже не говорю; но удить рыбу — признаюсь, этой страсти я не понимаю...» Улыбка договаривает, что это просто глупо. Так говорят не только люди, которые, по несчастию, родились и выросли безвыездно в городе, под влиянием искусственных понятий и направлений, никогда не жили в деревне, никогда не слыхивали о простых склонностях сельских жителей и почти не имеют никакого понятия об охотах; нет, так говорят сами охотники — только до других родов охоты. Последних я решительно не понимаю. Все охоты: с ружьем, с собаками, ястребами, соколами, с тенетами за зверьми, с неводами, сетями и удочкой за рыбою — все имеют одно основание. Все разнородные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, сближая их с природою, должна сближать между собою.

Чувство природы врожденно нам, от грубого дикаря до самого образованного человека. Противоестественное воспитание, насильственные понятия, ложное направление, ложная жизнь — все это вместе стремится заглушить мощный голос природы и часто заглушает или дает искаженное развитие этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человека, который был бы совершенно равнодушен к так называемым *красотам природы*, то есть к прекрасному местоположению, живописному далекому виду, великолепно-му восходу или закату солнца, к светлой месячной ночи; но

это еще не любовь к природе; это любовь к ландшафту, декорациям, к призматическим преломлениям света; это могут любить люди самые черствые, сухие, в которых никогда не зарождалось или совсем заглохло всякое поэтическое чувство; зато их любовь этим и оканчивается. Приведите их в таинственную сень и прохладу дремучего леса, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокою травою; поставьте их в тихую, жаркую летнюю ночь на берег реки, сверкающей в тишине ночного мрака, или на берег сонного озера, обросшего камышами; окружите их благовонием цветов и трав, прохладным дыханием вод и лесов, неумолкающими голосами ночных птиц и насекомых, всю жизнь творения – для них тут нет красот природы, они не поймут ничего! Их любовь к природе внешняя, наглядная, они любят картинки, и то ненадолго; смотря на них, они уже думают о своих пошлых делишках и спешат домой, в свой грязный омут, в пыльную, душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовонием загнивших прудов в их жалких садах или вечерними испарениями мостовой, раскаленной дневным солнцем... Но Бог с ними! Деревня, не подмосковная, далекая деревня – в ней только можно чувствовать полную, не оскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, мир, тишина, спокойствие! Безыскусственность жизни, простота отношений! Туда бежать от праздности, пустоты и недостатка интересов; туда же бежать от неугомонной, внешней деятельности, мелочных, своекорыстных хлопот,

бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений! На зеленом цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплавки ваши, — улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа вступит в вечные права свои, вы услышите ее голос, заглушенный на время суетней, хлопотней, смехом, криком и всею пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе. Неприметно, мало-помалу рассеется это недовольство собою, эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твердости воли и чистоте помышлений — эта эпидемия нашего века, эта черная немочь души, чуждая здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...

Но я увлекся в сторону от своего предмета. Я хотел сказать несколько слов в защиту уженья и несколько слов в объяснение моих записок. Начнем сначала: обвинение в праздности и лени совершенно несправедливо. Настоящий охотник необходимо должен быть очень бодр и очень деятелен; раннее вставанье, часто до утренней зари, перенесенье полдневного зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое

внимание во время самого уженья, приискивание удобных мест, для чего иногда надо много их перепробовать, много исходить, много изъездить на лодке, — все это вместе не по вкусу ленивому человеку. Если найдутся лентяи, которые, не имея настоящей охоты к уженью, а просто не зная, куда деваться, чем занять себя, предпочтут сиденье на берегу с удочкой беганью с ружьем по болотам, то неужели их можно назвать охотниками? Чем виновато уженье, что такие люди к нему прибегают? Другое обвинение, будто уженье забава детская и стариковская, также не основательно: никто в старости не делался настоящим охотником-рыболовом, если не был им смолodu. Конечно, дети почти всегда начинают с уженья, потому что другие охоты менее доступны их возрасту; но разве дети в одном уженье подражают забавам взрослых? Что же касается до того, что слабый старик или больной, иногда не владеющий ногами, может удить, находя в том некоторую отраду бедному своему существованию, то в этом состоит одно из важных, драгоценных преимуществ уженья пред другими охотами. Остается защитить охотников до уженья в том, что будто оно составляет занятие слабоумных или, попросту сказать, дураков. Но, Боже мой, где же их нет? За какие дела они не берутся? В каких умных и полезных предприятиях не участвуют? Из этого не следует, чтобы все остальные люди, занимающиеся одними и теми же делами с ними, были так же глупы. Против нелепости такого обвинения можно назвать несколько славных ис-

торических людей, которых мудрено заподозрить в глупости и которые были страстными охотниками *удить рыбку*. Известно, что наш знаменитый полководец Румянцев предан был этой охоте до страсти; известен также и его ответ, с притворным смирением сказанный, на один важный дипломатический вопрос: *это дело не нашего ума; наше дело рыбку удить да городки пленить*. Славный Моро, поспешая с берегов Миссисипи на помощь Европе, восставшей против своего победителя, не мог проехать мимо уженья трески, не посвятив ему нескольких часов, драгоценных для ожидавшего его вооруженного мира, — так страстно любил он эту охоту! Людовик-Филипп, человек, кажется, тоже умный, все время, свободное от дел государственных, посвящал удочке в своем прелестном Нельи.

Теперь объяснимся о моих записках: на русском языке, сколько мне известно, до сих пор не напечатано ни одной строчки об рыболовстве вообще или об уженье в особенности, написанной грамотным охотником, знающим коротко свое дело. На французском и английском языках есть много полных сочинений по этой части и еще более маленьких книжек собственно об уженье. В Лондоне даже существует общество охотников до ловли рыбы удочкой, которое систематически преследует эту охоту, совершенствуя ее во всех отношениях. Некоторые сочинения об этом предмете у французов написаны очень живо и увлекательно. Но у нас они не переведены, а если б и были переведены, то могли бы доста-

вить более удовольствия при чтении, чем пользы в применении к делу. Причиною тому разность в климатах, в породах рыб и их свойствах. В этом случае добросовестные наблюдения рыболова-туземца, как бы ни были недостаточны, будут иметь важное преимущество.

Все это вместе решило меня сделать первый опыт на русском языке. Охотников до ужения много на Руси, особенно в деревнях, и я уверен, что найду в них сочувствие. Прошу только помнить, читая мою книжку, что она не *трактат об ужении*, не *натуральная история рыб*. Моя книжка ни больше ни меньше как простые записки страстного охотника: иногда поверхностные, иногда одно сторонние и всегда неполные относительно к обширности обоих предметов, сейчас мною названных.

1847 год

«Предисловие к 3-му изданию»

Я печатаю книжку мою третьим изданием. В течение шести лет, постоянно продолжая удить с меньшим увлечением и большим вниманием, я имел возможность для второго издания сделать много новых наблюдений и сказать пространнее и полнее о том, о чем было сказано слишком коротко, в чем справедливо обвиняли меня некоторые охотники; в течение же последних трех лет я почти ничего нового прибавить не мог.

1856 год

Происхождение удочки

Вероятно, из всех родов рыболовных снастей одна из первых была изобретена удочка. Какой-нибудь дикарь, бродя по берегам реки или моря для добывания себе скудной пищи или беспечно отдыхая под тенью крутого берега и растущих на нем деревьев, приметил стаи рыб, плавающих около берегов; видел, как голодные рыбы жадно хватают падающих на поверхность вод разных насекомых и древесные листья, и, может быть, сам бросал их в воду, сначала забавляясь только быстрыми движениями рыб. Весьма естественно должна была родиться у него мысль, что если бы в насекомые спрятать что-нибудь, похожее на крючок (из кости или крепкого дерева) и привязать его на нитку, выделанную из звериных жил или волокон растений, и что если рыба схватит и проглотит такую насадку, то крючок зацепит, и рыбу можно будет вытащить на берег. Так, вероятно, родилась удочка; почти такова она и теперь в деревнях у крестьянских мальчишек: загнутый крючком гвоздь без шляпки, крючок из проволоки или булавки, привязанный на нитку, с камешком вместо грузила и палочкою сухого дерева или камыша вместо наплавка... ведь это почти удочка дикаря. Впрочем, даже и у нас, в настоящем своем развитии, у самых взыскательных охотников удочка строго сохранила все первоначальные основные свои качества.

Слово *удочка* – название общее. Она состоит из следующих частей: удилица, лесы, поплавка, или наплавка, грузила, поводка и крючка. <...>

О выборе места

Если вы случайно за едете или постоянно живете на такой местности, где на реке есть мельница и пруд, – спешите туда: там найдете вы самое разнообразное ужение и прихоть в выборе места, о чем я буду говорить ниже. Я должен признаться, что пристрастен к запруженной реке. Вид пруда и мельницы, стук ее снастей, шум падающей воды – приводят в тихое и сладкое волнение душу старого рыбака. Чем-то дорогим прошедшим глядят воды и водяные травы, шумят вертящиеся колеса, дрожит мельничный амбар и пенятся кипящие под ним волны! Кустами обросшая плотина, дорожки, протоптанные прохожими, помольцами и хозяевами, переходы через воду из жердочек – все говорит о чем-то давно знакомом, близком сердцу. Где мельница – там и рыба. Пруд – ее притон и гульбище! Там много всякой пищи, там прихотливо метать икру и выводиться маленькой рыбешке. Около мельницы во все времена года, во всякую пору дня охотник найдет и достанет рыбу. В раннюю весну, в позднюю осень, в дурную погоду – она держится больше в материке, в верховьях пруда; в теплое время, в летние жары – она гуляет по полям, в травах и камышах; в холодное ненастье – жмется по течению материка к теплой навозной плотине; но особенно любит она держаться в ямах под спусками вешняка или под водяными колесами. Напрасно низвергающийся

поток относит назад стаи мелких рыбок, они сторонкой беспрестанно возвращаются на самую быстрину, и хищные породы рыб хватают мелюзгу, обессиленную борьбою с стремлением воды. Рыбак вскарабкается на мокрый лежень, на котором тяжело ходит мельничный вал, и под навесом водяных труб, обросших зеленым мохом, под каплями и нитями просачивающейся воды, вздрагивая на своем месте при каждом обороте колеса, бросает удочку, насаженную червяком или всего лучше рыбкой, в самую быстрину, в волны и пену — и таскает жадных окуней и небольших щук... Но сказав о мельнице как о выгодном месте в частности, обращаюсь к выбору мест для ужения вообще.

Выбор мест бывает различен не только по времени года, но и по времени дня. Весною, пока вода еще несколько мутна, рыба бродит зря, как говорят охотники, и клюет везде на всех глубинах, ибо берега рек еще не определились, не заросли по местам густою осокой, аиром или камышом; еще не поднялись со дна водяные травы, не всплыли лопухи; береговые деревья и кусты не оделись листьями, не покрыли прозрачные воды тенью зеленого навеса, маня рыбу пищею во всякое время и прохладой в полдень.

При раннем весеннем ужении, которое может иногда начинаться в исходе апреля, когда в реках еще много воды и они бегут быстрее обыкновенного, надобно грузило прибавить, чтобы крючок опускался как можно глубже, потому что удить приходится в натяжку, то есть леса стремлением воды

будет натягиваться и крючок не будет касаться дна, а это весной необходимо. Рыба жметя обыкновенно ко дну, к берегам, особенно крутым, где течение потише. Места надобно выбирать не мелкие и не слишком глубокие; крючок с насадкой червя навозного или земляного (на хлеб удить на быстрых неудобно) от сильного течения будет прибывать к берегу, и потому должно так класть или втыкать удилище, чтобы насадка только касалась берега и чтоб леса и наплавки не ложились на него; в противном случае они станут при подсечке задевать за берег, а это никуда не годится: рыба, хватая играющую насадку с набега, сейчас встретит упор от задевшей леса или наплавки и сейчас бросит крючок, да и подсечка никогда не может быть верна, ибо рука охотника встретит такое же препятствие и подсечка не может сообщиться мгновенно крючку. Когда вода еще не совсем слила и не прояснела, трудно достать раков, насекомых еще никаких нет, и потому единственная насадка — черви; но как скоро река войдет в межень и образуются тихие места, то на них всякая нехищная рыба очень охотно станет брать на хлеб.

В реках не запруженных, текущих вольно, собственною массою воды, обыкновенно выбирают для уженья омуты, то есть глубокие места, где вода вдруг теряет свою быстроту, падая в яму; потом, завертывая назад около берега, она встречается с верхнею, текучею струею, борется с нею и, наконец, теряет свое стремление: из этой борьбы образуется тишина; в таких тихих омутах постоянно держится рыба.

Летом надо выбирать глубину умеренную, дно песчаное или хрящеватое (то есть состоящее из мелких камешков), идущее от берега покато и отлого в глубину; на таких местах хорошо удить рано утром и поздно вечером. Еще лучше, если вода аршина на два от берега проросла травой и накрылась ее листьями, как бы зеленым ковром. Тут много выгод для охотника. Тут есть для рыбы и пища, и защита от яркого солнца, а главное, тут не видно рыбака, сидящего на берегу, и ловко ему положить свои длинные удилища на травянистую ткань. Глубокие места, обросшие круглыми, как тарелки, зелеными лопухами, представляют те же выгоды. Места, где деревья зелеными ветвями своими наклонились над водою, где гибкие кусты омывают длинные листья свои в прозрачных струях, тихо ропщущих от их прикосновения, благонадежны для ужения не очень раннего и не очень позднего: ибо в это время рыба, уже поднявшись со дна, ходит на умеренной глубине и очень любит держаться около зелени листьев. Охотники хорошо это знают и на реках и озерах, берега которых совершенно голы, прибегают к хитрости, устраивают искусственную зелень: срубают вершину какого-нибудь молодого дерева (если оно мало, то два и три) или целый куст тальнику, вербы, выбирают удобное для ужения место и кладут их на воду, погрузив до половины и воткнув нижние, заостренные концы в берег. Мелкая рыба не замедлит броситься к зеленым листьям, а за ней придет и крупная. Дни в два рыба привыкнет держаться около кустов, которые впослед-

ствии, когда листья поблекнут, можно переменять по ночам. Так же поступают и на больших реках, где удят с лодки, привязав к ней связку вершин древесных или куст. Если место не так глубоко, то лодка стоит на *приколе*, то есть привязанная к длинному колу, воткнутому во дно; если же глубоко, то лодка держится на веревке с камнем, опущенным на дно.

Осенью для ужения крупной рыбы по утрам и вечерам надобно выбирать самые глубокие места; но около полудня рыба уже не прячется от солнечного зноя, как летом, под траву, кусты, тень нависших берегов и даже тень мостов; напротив, обрадовавшись теплоте солнечных лучей, она стаями выплывает на поверхность воды, хватая падающие на нее увядающие листья и всяких насекомых. Тут надобно удить как можно мельче и предпочтительно на всяких насекомых.

Есть осеннее ужение *нахлыстом*, как выражаются рыбаки, которого мне не довелось испытать, но которое, говорят, бывает очень удачно. Оно особенно выгодно и приятно потому, что в это время другими способами ужения трудно добывать хорошую рыбу; оно производится следующим образом: в маленькую рыбачью лодку садятся двое; плывя по течению реки, один тихо правит веслом, держа лодку в расстоянии двух-трех сажен от берега, другой беспрестанно закидывает и вынимает наплавную удочку с длинной лесой, насаженную червяком, кобылкой (если они еще не пропали) или мелкой рыбкой; крючок бросается к берегу, к траве, под кусты и наклонившиеся деревья, где вода тиха и засорена пада-

ющими сухими листьями: к ним обыкновенно поднимается всякая рыба, иногда довольно крупная, и хватает насадку на ходу. Вероятно, вместе с сухими листьями падают в воду какие-нибудь насекомые, и потому падение листьев привлекает рыб. Я много раз сам наблюдал, как хватает рыба упавшие листья и уносит вглубь: некоторые листочки всплывают, а другие пропадают; может быть, рыба глотает те из них, которые еще зелены. В тихое время и на тихой воде, в верховьях прудов, где материк стоит наравне с берегами, обросшими лесом, листья застилают воду иногда так густо, что трудно закинуть удочку, и если грузило легко, то крючок с насадкой будет лежать на листьях; разумеется, надобно добиться, чтобы крючок опустился и наплавок встал; удить надобно всячески, то есть и очень мелко и глубоко, потому что рыба иногда берет очень высоко, под самыми листьями, а иногда со дна. Это ужение имеет одну невыгодную сторону: в листьях трудно разглядеть наплавок; но зато рыба охотно и смело берет под листовным покрывалом, и прозрачность осенней воды в этом случае помогает успешному ужению, ибо рыба изда- лека видит упавшую в воду насадку, а человека не видит. Берут по большей части окуни, средние головли, язи и крупные ельцы. Впрочем, может взять и всякая рыба.

Приятность этого ужения состоит в том, что оно спокой- но и что в позднее осеннее время нельзя в других местах выудить никакой порядочной рыбы, кроме хищной; а из-под листьев мне случалось выуживать хороших яззей, головлей и

очень крупную плотву: последняя брала на хлеб, а первые – на крупных земляных червей.

Во всякое время года выгодны для уженья *перекаты* (мелкие места реки), устья впадающих речек и ручьев, ямы, выбитые падением воды под мельничными колесами и вешняками. Перекаты – проходное место рыбы, переплывающей из одного омута в другой, скатывающейся вниз, когда вода идет на убыль, и стремящейся вверх, когда вода прибывает; перекаты всегда быстры, следовательно удить надобно со дна и с тяжелыми грузилами. Течение воды будет тащить и шевелить насадку на крючке, и проходящая рыба станет хватать ее.

При устьях впадающих речек и ручьев всегда держится мелкая рыбешка, а около нее держатся все породы хищных рыб: щуки, жерихи, судаки, окуни и даже головли, которые, несмотря на свою нехищную по-видимому породу очень охотно глотают маленьких рыбок. В глубоких ямах, выбиваемых паденьем поллой воды под вешняками или скрынями, всегда водится много крупной рыбы. Под шумом воды, падающей с мельничных колес, также всегда стоит рыба, хотя и не так крупная.

Из всего этого не следует заключать, что только в местах, мною исчисленных, должна клевать рыба. Где есть вода, там она может плавать, следственно, и брать на удочку. Рыба пользуется этой свободой, и нередко клев ее бывает так прихотлив, что приводит в недоумение опытного рыбака.

До сих пор мы говорили о реках. О выборе мест в небольших речках и ручьях, где ловится на удочку форель (пеструшка), кутема и лох, нечего сказать особенного: такие места, то есть небольшие омуточки или ямки, переменяются беспрестанно, и об этом будет сказано в статье об ужении форели. Выбор мест для ужения в проточных прудах, заросших травой и камышами, имеет свои особенности. Ужение в их материке (материком называется русло настоящей реки) есть ужение речное. Тут нет выбора мест, зависящего от положения берегов, ибо вода затопила их и стоит выше земной поверхности на аршин, иногда и более; тут надобно знать положение дна, заметив его при спуске полый воды или, если этот пруд вам незнаком, ощупав дно рыбацким лотом. (Лотом называется маленькая гиря или большая свинцовая пуля, привязанная на длинный шнурок.) Отлогое дно, идущее от берега в глубину, твердое, не заросшее травой, не имеющее задевов, без сомнения есть самое лучшее место; но здесь ужение производится уже с лодки или с нарочно устроенных для того мостков или плотов. Для ужения в *полях*, то есть в разливе пруда, проросшего травой и камышами, как это особенно бывает в губерниях черноземных, надобно выбирать местечки поглубже, не заросшие травой или камышом. Летом вся рыба бросается туда, и полои делаются единственным и обильнейшим местом для ужения, о чем мы поговорим подробнее в своем месте. В озерах, если берега их обросли травой и кустами, выбор мест для ловли удочкой во

многом сходен с выбором мест в реке. В копаном пруде берега и дно везде одинаковы, и потому можно удить где угодно. Впрочем, всегда надобно соображаться с привычками самой рыбы: где она больше держится, там и удить. Опыт – лучший указатель в этом деле.

Места для ужения получают особенные достоинства от прикормки.

Прикормка

Прикормкою называются бросаемые в вод у хлеб, хлебные зерна, квасная гуща, червячки и вообще все то, что ест рыба. Много есть рыбаков-охотников, которые целый век удят без прикормки и даже не находят в ней большой пользы, но последнее несправедливо: прикормка дело великое и не только доставляет обильнейший лов, но дает возможность выуживать рыбу в таком месте, где без прикормки вы бы никак ее не выудили, и в такое время года, когда эта порода рыбы перестала уже брать. Разумеется, мы говорим о прикормке постоянной, которую хорошо готовить следующим образом: берутся хлебные зерна ржи, овса, пшеницы или какие есть; прибавляются отруби, корки ржаного хлеба, особенно пригорелые (рыба далеко слышит их запах), все это кладется в чугуна, наливается водой и ставится в жаркую печь сутки на двое так, чтобы совершенно разопрело.

Прикормки бывают *временные* и *постоянные*. Временною прикормкою мы называем бросанье оной во время уженья, или с вечера накануне, или перед самым уженьем. Можно бросать и червей и раков, расщипанных в куски. Постоянною называется опущение в воду, на самое дно, мешка с прикормкою, сейчас мною описанною; величина мешка произвольная, но весьма достаточно, если он будет четверти две с половиной в длину и полторы в ширину. Мешок должен

быть сшит из рединки, так, чтобы не только просачивалась жидкость, но и зерна местами высовывались. Мешок с такою прикормкою, с камнем для тягости, привязанный на веревочке, опускается на самое дно в избранном для ужения месте. Мешок надобно класть недалеко от берега, так, чтобы удочки ходили около него впереди, для того чтобы подходящая к прикормке рыба прежде встречала насаженные крючки. Мешок должен быть привязан шнурком к маленькому колышку, который втыкается в берег или под берег так, чтобы его нельзя было и приметить никому и чтобы только хозяин мог его отыскать. Шнурок нужен, во-первых, для того, чтобы в случае надобности можно было перенести мешок с прикормкою на другое место, и, во-вторых, для того, что если вы заденете за него удочкой, то можете вытащить мешок и крючок отцепить, а без шнурка вы оторвали бы его. Задеть можно при всей осторожности: сама рыба натащит. Мне случилось один раз зацепить крючком за мешок; я вытащил его посредством шнурка и нашел пришпиленную к нему крючком моей удочки плотицу.

Постоянная прикормка должна лежать с неделю, прежде чем начнется ужение; очень полезно, сверх того, побрасывать всякий день прикормки особо, горсти по две, по утрам или вечерам. Если сделать такую прикормку с весны, сейчас как сольет вода, покуда не выросла трава около берегов и на дне реки, пруда или озера и не развелись водяные насекомые, следственно в самое голодное для рыбы время, то можно так

привадить рыбу, что хотя она и высосет прикормку из мешка, но все станет приходить к нему, особенно если поддерживать эту привычку ежедневным бросаньем прикормки в одно и то же время; разумеется, уже в это время предпочтительно надобно и удить.

Прикормка постоянная имеет еще ту выгоду, что менее приманивает мелкой рыбы, чем временная.

Нет никакого сомнения, что не только можно, но и должно на то удить, чем прикармлена рыба, то есть на хлеб и на распаренные хлебные зерна; но охотники редко выдерживают такую последовательность и спешат предложить дорогим гостям вкуснейшие и любимейшие ими кушанья, как то червей, раков и др. В оправданье охотников можно сказать то, что на хлеб и зерна некоторые породы рыб, особенно хищных, совсем не берут; за что же рыбак добровольно лишит себя возможности их выудить, лишится разнообразия добычи, столь приятного всякому охотнику.

Делаются хлебные прикормки с конопляным маслом, с сыром; пришивают к мешку, завернувши в тряпочку, маленькие кусочки бобровой струи (даже привязывают их к крючкам); все это я пробовал, но никакой особенной пользы не видел; хлебом же или квасною гущею с конопляным маслом, по моему замечанию, скорее можно отвадить рыбу; я два раза испытал это очевидно на карасях. Я уверен, впрочем, что должна существовать такая лакомая пища для рыбы, которая имеет силу непременно собрать ее в одно место:

но откуда еще не сделано этого важного открытия.

Хотя после всего мною сказанного нельзя оспаривать, что постоянная прикормка очень выгодна для ужения, но, повторяю, есть охотники, которые предпочитают ужение без прикормки.

«Что за удовольствие, – говорят они, – поймать рыбу, которая посредством долговременной привычки сделалась почти ручною, приваженною есть корм без всякого опасения, в известное время, как дворовая птица? Тут пропадает искусство удить, тут почти равняется умеющий с неумеющим рыбаком; тут не нужны ни труд, ни забота, ни бессонные ночи. Нет, изучить, отгадать местопребывание, свойство и вкус осторожной, пугливой, вольной рыбы, привлечь и обмануть ее искусною насадкой, подстеречь ее прикосновение к крючку – вот в чем наслаждение рыбака! Одна такая рыба стоит десяти прикормленных!» Несмотря на то, что я много уживал с прикормкой, продолжаю и теперь удить и защищаю ее выгоды, я должен признаться, что в возражении против нее – много правды, если смотреть на ужение только с его поэтической стороны.

Об умение удить

Нет, кажется, ничего проще, как взять удочку, насадить червячка или кусок хлеба, закинуть в воду и, когда погрузится наплавок, вытащить рыбу на берег. Все это правда, а не менее того и то правда, что существует большое умение удить рыбу. Для приобретения вполне этого умения надобно много опытности и даже некоторых особенных способностей. Например, нужны: ловкость в руках и искусство сохранять натуральный вид червяка, рака и насекомых, насаживаемых на крючок; острое зрение для наблюдения за движениями наплавка, иногда едва приметными и вовсе непонятными для непосвященного в таинство уженья; нужно неразвлекаемое внимание, ибо клев рыбы, смотря по временам года и по насадке, бесконечно разнообразен; нужны сметливость и догадка... Вы уже смеетесь, вы подумали, любезные читатели, что я хочу исчислять все качества, необходимые ружейному охотнику, о которых напечатано в «Совершенном егере», и дойду наконец до *«острых, прямых зубов»*? Хотя их не худо иметь каждому человеку, но я скажу вам нечто другое. Настоящему рыбаку, охотнику-артисту, необходимо изучение нравов рыб, а это самое трудное и темное дело, хотя рыбы живут и в прозрачных чертогах. Нравы их должно отгадывать; данных очень немного, и потому надобно иметь и проницательность и соображение, а сколько тру-

да, беспокойства!.. Вечерняя и утренняя заря – наилучшее время для наблюдения нравов рыб, относительно их пищи, а летом, как говорится, заря с зарей сходится... итак, наблюдателю немного часов останется спать.

Если бы кто-нибудь вздумал спросить меня хотя ради шутки, что я разумею под словами *нравы рыб*, – то я отвечал бы, что под этими словами я разумею вообще природные свойства рыб, то есть в каких водах преимущественно любят жить такие-то породы рыб, что составляет их любимую пищу, в какое время года и в какое время дня держится рыба в таких-то местах, и проч. и проч.

Надобно признаться, что мы очень мало знаем эту любопытную сторону натуральной истории в *жизни* обитателей вод. Все, что мне случалось читать, весьма неудовлетворительно, а иногда и очевидно не верно. Рассказы рыбаков по ремеслу, которые, впрочем, редко и мало занимаются ловлею на удочку, конечно, могут быть очень полезны, но эти люди часто смотрят с отвращением на свое ежедневное, трудовое занятие, работу, доставляющую им скудный кусок насущного хлеба. У них нет любви к своему делу, следовательно не может быть внимания и наблюдательности образованного человека, но повторяю, что рассказами их очень можно воспользоваться. Говоря о каждой породе рыб отдельно, я скажу все то немногое, что знаю о их нравах, также о клеве и способах удить. Предупреждаю моих читателей, что хотя все, мною сказанное, будет совершенная правда, но легко

может оказаться неудачным и даже безуспешным в исполнении. Не только в разных водах у одних и тех же пород рыб бывают разные вкусы и свойства, но в одной и той же реке нравы их изменяются с течением времени. Вероятно, это зависит от изменения свойств воды, берегов дна и обыкновенного рыбьего корма. Например, от усиленного народонаселения, скотоводства, постройки мельниц вода делается мутнее и теплее; берега теряют обраставшие их прежде травы, в разливах прудов вырастают новые, свойственные только воде мелкой и запруженной; породы рыб отчасти замещаются другими; рыба от сытного корма делается не так жадна, а с тем вместе изменяется ее клев. Итак, мне остается сказать только об одних общих правилах относительно уменья удить.

Первое. Важнейшее дело в уменье удить – уменье хорошо устроить удочки; об этом уже было говорено, но я повторяю вкратце: удище должно быть прямо, гладко, легко, ловко для подсечки, конец его гибок; леса должна быть ровна и ссучена не круто. Крутая леса будет свиваться, наплавок станет вертеться, крючок с насадкою приподниматься кверху, и если в этом положении возьмет рыба, то по большей части случится промах. Это несносно на ужение и даже пугает рыбу; такую лесу или надобно рассучить, что довольно хлопотно, или бросить. Узелки, которыми поводок привязан к лесе и крючку, должны быть невелики, без махров; поводок должен идти от внутренней стороны крючка; крючок – хоро-

шо загнутый, всегда острый: как скоро жало притупляется, сейчас переменить крючок¹; насадка свежая, живая, насажена искусно. Вся удочка должна быть соразмерна в своих частях, красива, даже изящна. Такая удочка – большая порука за успех.

Второе. Не менее важно уметь пользоваться благоприятною погодою и временем дня. Самые драгоценные часы для ужения – раннее утро. Нет никакого сомнения, что в это время рыба голоднее, берет охотнее и смелее, потому что вода еще не так прозрачна, и что оттого рыба заклевывает вернее. Вечером также рыба берет охотнее, чем в продолжение дня, особенно поздно вечером: тогда и крупная рыба начнет смело ходить около берегов даже на местах очень чистых и мелких, и хотя рыба ест во всякое время дня, но вечером она жаднее ищет корма. Чем жарче погода, тем надобно удить ранее: среди лета, в ясные знойные дни, едва блеснет белая полоса на востоке, охотник должен быть на месте ужения: мы разумеем ужение крупной рыбы и особенно на прикормленном месте; покуда рыбак бросит прикормку, разовьет и насадит старательно удочки, уже займется заря, начнут выскакивать пузыри со дна на поверхность воды от идущей со всех сторон рыбы, и клев наступает немедленно. Он не продолжается долго, часов до шести. Как только солнце хорошенько обогреет и лучи его поглотят утреннюю прохладу, ступайте

¹ Чтобы жало крючка не тупилось, надобно не втыкать его никогда в удилище, что делается весьма часто.

на другое место удить среднюю или мелкую рыбу, или ступайте с своею добычею домой и ложитесь спать. В дождливую и прохладную погоду не нужно начинать удить так рано, особенно весной и осенью, даже можно удить почти целый день.

Третье. Весьма также важно знать, в каких местах, в какое время года и в какую погоду держится рыба. Можно получить об этом некоторое понятие, прочтя все написанное мною; но узнать настоящим образом этого нельзя по одному описанию; тут необходимо знание опытное, собственное наблюдение. Иногда место и время кажется очень хорошо, со всеми выгодами, а рыбы нет или она не берет; иногда совсем наоборот: рыба клюет и в дурное время и на плохих местах. Никак нельзя оспаривать, что у рыбы есть любимые места, по-видимому, без всякой причины. Самые благоприятные дни для ужения – дни теплые, серые, с перепадающими дождями и особенно тихие: при одном только ужении окуней и плотвы даже сильный ветер бывает иногда полезен. В знойные, безоблачные дни можно удить только рано поутру и поздно вечером (о полдневном ужении поговорю особо); но в серые, с перепадающими дождями дни можно удить целый день. Хотя иногда набежит туча с грозой и сильным вихрем, с частым и крупным дождем, который забьет ваши наплавки под траву, в шумные брызги и пузыри изрубит гладкую поверхность воды, взмутит ее, если она неглубока, отнесет длинные плетеницы трав туда, где их не бывало, так изменит

положение места уженья, что вы сами его не узнаете... но туча пронеслась, влажная, парная теплота разливается в воздухе, мгновенно наступает глубокая тишина, все приходит в порядок: круглые, зеленые лопухи медленно отплывают на свое прежнее место, длинные листья прибрежной травы снова расстилаются широко над водою, и рыба, испуганная на время внезапным возмущением стихий, с новою жадностью бросается на ваши между тем оправленные крючки. Теперь поговорим собственно о процессе уженья.

Четвертое. Охотник должен наблюдать возможную тишину и стараться, чтобы рыба его не видала, особенно, если вода светла, место неглубоко и удочки закидываются недалеко от берега. На воде мутной, на значительной глубине, также под шумом мельничных колес или падающей воды и при далеком закидывании удочек можно наблюдать менее осторожности.

Пятое. Удочку должно закидывать, не шлепая по воде удилищем, всегда подальше и потом привести на то место, на котором вы назначаете держаться наплавку (не дав крючку лечь на дно); закинутую же удочку никак не должно *подтаскивать* к берегу, а если это нужно, то вынуть ее совсем и закинуть ближе: подтаскивая, сейчас заденешь за какую-нибудь неровность дна.

Шестое. Без надобности не должно часто вынимать удочки, особенно при уженье крупной рыбы: этим можно испугать ее; но если беспрестанно дергает мелкая рыба, то неми-

нуемо должно часто вынимать и оправлять или переменять испорченную насадку; но делать это следует осторожно и тихо.

Седьмое. Никогда не должно употреблять много удочек. Если вы удите со дна, можете закинуть три удочки, никак не более, насадив их разною насадкою, если она у вас есть и если место ужения просторно. При малейшем движении наплавка надобно сейчас положить руку на удилище, не пошевелив его с места, чтобы в ту же минуту, как скоро рыба погрузит наплавов или значительно потащит в сторону, можно было ее подсечь. Если наплавки ходят на весу, то более двух удочек употреблять не должно: ибо тут иногда вслед за первым движением мгновенно следует погружение наплавка, и лишнее число удочек будет мешать; если же вы удите мелкую рыбу, которая берет часто посреди беспрестанного дерганья, то надобно удить на одну удочку и держать удилище в руке, иначе вы будете кидаться от одной удочки к другой и на обеих пропускать время, благоприятное для подсечки.

Восьмое. Знание времени, поры для подсечки, без сомнения, всего важнее в умение удить; но сделать общее правило, когда надобно подсекать, невозможно, ибо у всякой рыбы особый клев и особая подсечка, и та изменяется по изменению характера клева и времени года; хотя о ней будет сказано при описании каждой рыбы отдельно, но это дело так важно в умение удить, что о нем стоит поговорить особенно. Я слышал всегда от старых, опытных рыбаков, что все-

го нужнее дать рыбе *заклевать хорошенько*, то есть: проглотить насадку вместе с крючком и утащить наплавок на дно. Я долго и слепо этому верил; но впоследствии, при собственном внимательном наблюдении, убедился, что это правило никак нельзя принимать безусловно. В отношении к рыбам хищным оно верно всегда, наплавок, точно, погружается; но в отношении к другим породам рыб, особенно некрупным, это правило вредно: они не проглатывают, а берут насадку в рот и плывут в сторону, очень часто не утаскивая наплавка; если встретится какое-нибудь препятствие (и оно встретится непременно от упора натягиваемой леси), особенно если рыба услышит жесткую спинку крючка, а всего более, если уколется его жалом, то она сейчас выбросит насадку вместе с крючком. Итак, *потяжка* наплавка, то есть время, когда он поедет в сторону, особенно при некотором наклонении нижнего конца — есть настоящая пора для подсечки. Подсекать должно всегда живо, но не слишком сильно, всегда несколько вверх и в противоположную сторону той, куда рыба тащит наплавок. Это последнее правило еще нужнее соблюдать, когда удишь со дна.

Девятое. Как можно надобно стараться, чтобы не класть удилища на воду и не погружать их концов в воду. Если позволяет место, то можно легонько втыкать концы удилищ в берег, или класть их на береговую высокую траву, или подставлять под них рогульки, которые заблаговременно можно воткнуть у берега в воду на местах, где вы постоянно уди-

те. Это чрезвычайно нужно для скорости и верности подсечки. В таком случае необходимо класть удилища на воду, если она, по отмели, далеко проросла травой, так что удилище едва достает ее края, а иногда и не достает. При таком неудобном ужении надобно тащить заклевавшую рыбу, если можно, прочь от себя или прямо до самой поверхности воды и потом выкинуть на берег. Это делается для того, чтобы рыба не запуталась в траве, куда она (особенно крупная) сейчас бросается.

Десятое. Леса от удилища до наплавка, особенно если она длинна, не должна слишком много погружаться в воду; она может задеть за что-нибудь на мелком дне у берега, и вы сделаете промах.

Одиннадцатое. Не должно вытаскивать рыбу с одного приема, из всей силы: у мелкой рыбы вы станете рвать губы и забрасывать так далеко на берег, что иногда не скоро в траве и найдете, даже потеряете; а с крупной рыбой можете порвать лесу или сломать удилище. Надобно быстро подсечь, и если рыба невелика, то легонько ее вытащить; если же вы слышите большую рыбу, то после подсечки, которая должна быть довольно сильна, чтобы жало крючка могло вонзиться глубже, надобно дать ей свободу ходить на кругах, не ослабляя лесы, и не вдруг выводить на поверхность воды, а терпеливо дожидаться, когда рыба утомится и сделается смирна; тогда, смотря по удобству берега или подведя поближе, взять ее рукою под жабры, если берег крут – или вытащить ее

таском, если берег полог, для чего надобно отбежать назад или в сторону. Впрочем, это непростительная вина удить, не имея с собою сачка в таких местах, где может взять крупная рыба. При вытаскивании крупной рыбы без сачка, увидев и услышав ее, надобно подводить к берегу, особенно крутому, в таком положении, чтобы голова рыбы и верхняя часть туловища были наружи и приподняты кверху: само собою разумеется, что это можно сделать с толстой крепкой лесой, в противном случае надобно долго водить рыбу сначала в воде, потом на поверхности и подтаскивать ее к берегу очень бережно, не приподымая уже головы рыбе кверху, и потом взять ее рукою, но непременно в воде.

Двенадцатое. Если возьмет очень большая рыба и вы не умеете или не можете заставить ее ходить на кругах в глубине, если она бросится на поверхность воды и пойдет прямо от вас, то надобно попробовать заворотить ее вбок, погрузив удилище до половины в воду; если же это не поможет и, напротив, рыба, идя вверх, прочь от вас, начнет вытягивать лесу и удилище в одну прямую линию, то бросьте сейчас удилище в воду. Это одно спасение: если вы станете упорствовать, то потеряете и рыбу и удочку, ибо без гибки, происшедшей от конца удилища, леса непременно и в одну минуту порвется. Рыба утомится, плавая на брошенном вами удилище, и прибьется или к берегу, или запутается в траву на мелком месте: там можете вы удобнее взять ее руками.

Тринадцатое. При вытаскивании большой рыбы никогда

не должно брать рукой за лесу, хотя бы и казалось это очень удобным: тут может случиться та же потеря, о которой я сейчас говорил. В одном только случае надобно прибегнуть к этому средству: если у вас переломится удилище очень высоко, тогда нечего делать, надобно поймать обломанный конец удилища и полегоньку подвести рыбу к мелкому месту или пологому берегу и, взяв рукой за лесу на аршин или менее от рыбы, выволочь ее таском на берег. Если же место глубоко и берег крут, то, подведя к нему рыбу и придерживая на слаби левою рукою за лесу, – правою взять рыбу под жабры и выкинуть на берег, как уже и было мною сказано. Должно всегда помнить, что леса, особенно не толстая, только потому выдерживает тяжесть большой рыбы, что она плавает в воде, что вода гораздо гуще воздуха, следовательно лучше поддерживает рыбу, и что гибкий конец удилища служит, так сказать, продолжением леса.

Четырнадцатое. Если рыба на удочке запутается в траве, то никак ее не тащить; напротив, ослабить лесу и дать рыбе свободу выпутаться самой из травы, что она почти всегда сделает, – нужно только терпение. Наплавок или леса сейчас вам покажет, что рыба пошла в ход; тогда надобно проворно вывести ее на чистое место и далее поступать так, как я сейчас говорил. Если же по прошествии долгого времени рыба не отпускается и слышно по руке, что она крепко затянулась и задела на дне за корни травы или корягу, то надобно лезть в воду и отцепить руками: тут сохранится иногда

и удочка и рыба, или надобно достать длинный шест, вырезать на тонком конце его углубление (род рогульки) и, дойдя им по лесе до крючка и до корня травы, за которую он зацепил, легонько вырвать траву из дна или отцепить от коряги; в этом случае рыбу уже трудно сохранить.

Пятнадцатое. Никогда не должно уходить с места, не попробовав поудить на удочки разной величины и разной глубины и на все роды насадок, какие у вас есть. Рыба бывает непостижимо своенравна и прихотлива, по крайней мере так кажется нам по нашему неведению: сколько раз со мной случилось, что на удочку, хуже других устроенную, не на месте лежащую, на один и тот же обрывок червяка или рака беспрестанно брала хорошая рыба, тогда как наплавки других удочек, во всем ее превосходящих, с живою, лакомою насадкой лежали неподвижно; таким указанием пренебрегать не должно, и не *мудрствуя лукаво* советую, оставя другие удочки, продолжать удить на ту, на которую берет, то есть на счастливую, насаживая на нее не целых червей и раков, а небольшие обрывки их и закидывая удочку на то же самое место. Кто знает, может быть положение дна так выгодно для лежания насадки, что она видна со всех сторон?

Шестнадцатое. Хотя справедливо мнение, признанное всеми рыбаками, что рыба ходит высоко в августе и сентябре, а в прочие месяцы ходит низко, но к этому надобно прибавить, что состояние погоды совершенно изменяет ход рыбы. Если погода стоит жаркая и солнечная, то еще в исхо-

де июля рыба поднимается высоко и держится под навесом трав, преимущественно широколистных, что продолжается в августе и даже в сентябре – до наступления холодного времени; впрочем, рыба опускается не столько от холодной погоды, как от дождей и сильных ветров: вообще, крупная рыба держится глубже мелкой. Итак, главнейшее правило состоит в том, чтобы соображаться с временами года и состоянием погоды: на дворе тепло, ясно и тихо – рыба гуляет везде, даже по самым мелким местам (особенно вечером), следовательно там и надобно ее удить; наступает ненастье, особенно ветер – рыба бросается в траву, прячется под берегами и кустами: должно искать ее там; наступает сильный холод – рыба становится на станы, то есть разделяется по породам, собирается стаями и ложится на дно в местах глубоких: надобно преследовать ее и там и удить очень глубоко. Такие станы, известные рыбакам, и зимою дают возможность, прорубя над ними проруби, удить рыбу, несмотря на стужу.

Кажется, я все сказал, что более или менее составляет умение удить или к нему относится. Говоря сколько можно вообще, я не мог избежать и частных, которые неминуемо должны повториться в своем месте.

Теперь следует сказать несколько также общих замечаний о «клеве» и причинах неудачи в ужение, зависящих от характера самого рыбака.

Рыба не всегда клюет одинаково. Никак нельзя ручаться, чтоб превосходный клев вдруг не изменился. У рыба-

ков существуют на этот счет разные мнения. Одни говорят, что рыба перестает брать перед ненастьем, что она *слышит* ненастье, и я считаю это мнение справедливым. Много раз случалось мне замечать, что в прекрасную погоду вдруг рыба переставала брать, и почти всегда, через сутки или ближе, наступало упорное ненастье, то есть сильные, продолжительные дожди с холодным ветром. Я замечал также, что рыба потом привыкала к дурному времени и начинала опять брать, хотя не так хорошо, как прежде; за сутки же до наступления вёдра клев восстанавливался прежний. Другие рыбаки убеждены, что рыба отлично берет «*на молодую*» и очень плохо – на «*ущерб месяца*». С этим согласиться я не могу, потому что мои наблюдения этого не подтверждают. Вот положения, выведенные мною из многочисленных опытов и не подлежащие сомнению: 1) Рыба клюет жаднее, когда нет травы, и предпочтительно весной, сейчас по слитии полой воды. 2) Чем жарче становится летом, тем хуже клюет рыба, и в сильные летние жары только самое раннее утро и поздний вечер могут дать рыбаку что-нибудь порядочное. 3) В середине лета рыба очень неохотно клюет на *навозного* червяка, а на хлеб лучше, чем в другое время года; всего же лучше – на рака, особенно линючего. 4) Прохладная, не ярко солнечная погода выгоднее для уженья летом, потому что рыба менее гуляет и держится глубже на местах, известных охотнику.

Никак нельзя спорить, что в уженье, как и везде, многое зависит от счастья и что есть счастливые рыбаки, так же как

есть счастливые игроки. Иначе мудрено будет объяснить ни на чем не основанную удачу одного и ничем не заслуженную неудачу другого. Но как счастливый игрок без умения нередко остается в проигрыше, так и счастливый рыбак без умения выуживает мало. Везде надобны твердость, терпенье и умение воспользоваться счастьем. Нетерпеливый рыбак, раздосадованный тем, что у его соседа-рыбака на дурном месте, на грубо устроенную удочку, на глупую, несвоевременную насадку частехонько поклевывает рыба, а его удочки, мастерски устроенные, по-охотничьи насаженные, лежат неподвижно, нередко бросает выгодное прикормленное место, переходит на другое, на третье, пропускает удобное время и возвращается домой с пустыми руками, тогда как сосед, перейдя на оставленное им место, несмотря на плохие удочки и неумение удить (отчего, разумеется, он потеряет половину рыбы), возвращается домой с полным кошельком. Впрочем, это более касается до характера, а не до умения удить. Вообще не должно никогда гневаться на неудачу. Я много знал рыбаков, у которых если сначала что-нибудь не удавалось, например: запутывалась или зацеплялась удочка, а всего хуже, если срывалась первая хорошая рыба, то они, рассердясь, и насаживать начнут дурно, и подсекать станут рано и слишком резко, да и удить бросят. Таким образом, будучи сами кругом виноваты, эти нетерпеливые охотники обыкновенно обвиняют свое несчастье.

Об ужении на крючки с готовыми, искусственными насе-

комыми я ничего не могу сказать, потому что сколько раз его ни пробовал, пробы были неудачны.

Уженье форели (пеструшки), кутемы и лоха, или красули, имеет совсем особенный характер, если производится на быстрых, мелких речках; в верховьях же прудов тех же самых речек, в которых иногда водятся эти породы рыб, оно ничем не отличается от обыкновенного уженья, ибо вода уже в них глубока и не совсем прозрачна. Удить форель в речках незапруженных и мелких, следовательно совершенно прозрачных, надобно с величайшею осторожностью: малейший шум, человеческая тень, мелькнувшая на поверхности воды, мгновенно заставят спрятаться под берег или корни дерев пугливую рыбу, из-под которых она не выходит иногда по нескольку часов. Высмотрев издали удобное место², надобно подкрадываться из-за кустов и, пропустив сквозь них длинное прямое удилище, на конце которого навита коротенькая леса без наплавка с небольшим грузилом, крючком и насадкою красного навозного червяка, тихонько развить лесу и опустить в воду; если рыба вас не увидит, то она схватит в ту же секунду, иногда едва допустит червяка погрузиться в воду. Если же вы опустите крючок и рыба не берет немедленно, то значит: или ее нет, или вы ее испугали. Сейчас надобно идти на другое место. Для уженья выбираются по речке, как

² Удобными местами считаются омуточки, ямки, где вода завертывается и бежит тише и где форель выпрыгивает иногда на поверхность, ловя червячков, падающих с дерев, мошек и других насекомых.

я уже сказал, небольшие омуточки. На одном месте никогда более пяти, много шести рыб не выудишь. Иногда можно закидывать удочку, спрятавшись за крутыми берегами, густыми деревьями или кустами, *не пропускаая сквозь них удилица*: в таком случае леса должна быть подлиннее. Надобно признаться, что ужение довольно беспокойно и утомительно. Пеструшка и особенно лох, по словам некоторых охотников, охотно берут на маленькую рыбку.

Пеструшка, хотя очень редко, попадаетса иногда довольно большая; я не выуживал более двух с половиною фунтов, но достоверно знаю, что другие рыбаки выуживали в пять фунтов и более. Лох бывает огромной величины: я видел лоха в двадцать семь фунтов; он зашел в весеннее водополье в маленький ручей и был пойман недоткой. В небольшой речке и на малой глубине возиться с рыбой очень трудно. Водить неловко, из берегов торчат корни, на берегах кусты и деревья, а леса по большей части бывают нетолстые, крючок небольшой, удилище негнуткое, а рыба самая бойкая... Беда да и только! При таких обстоятельствах мудрено избежать несчастной потери. Впрочем, очень крупная рыба редко берет в маленьких омуточках, а более в верховьях прудов, в местах глубоких: там хорошему охотнику с средними удочками обыкновенного устройства нечего бояться отчаянных прыжков этой бешеной на удочке рыбы, и драгоценная добыча не уйдет от его сачка.

Ужение около полдён, о котором я обещал сказать особо,

в жаркие летние дни производится в таких местах, где густая тень покрывает воду, как то под мостами, плотами, нависшим берегом, толстыми пнями и корягами, нередко торчащими в воде, под густым навесом трав, расстилающихся иногда над значительною глубиною. Особенно окуни любят стоять в тени и берут в полдни довольно хорошо; иногда хватает язь и головль даже на мелкопущенную удочку. Но только в проточных прудах, заросших камышами и травами, полдневное ужение имеет настоящее значение. Летом в жаркий день, часов с девяти утра, вся порядочная рыба уйдет из материка и чистых мест разлива в полои, проросшие разными травами и зеленым густым лесом камыша, над которым возвышается уже палочник своими пуховыми темно-коричневыми султанами. В травах и камышах всегда бывают местечки поглубже других, которые никогда не зарастают и которые называются «протоками». Вот тут-то надобно удить, разумеется, на лодке. В траве около таких мест в надлежащем расстоянии заблаговременно втыкаются колья, к которым привязывается лодка для того, чтобы она не качалась. Тут непременно нужны длинные удилища, ибо лодка должна стоять неблизко от места ужения и удилища кладутся на траву. В камышах же ненадобно кольев. Подогнав осторожно лодку к незаросшему месту, надобно стать к нему боком, так, чтобы лодка и рыбак совершенно были спрятаны в камыше, которого горсти по две с обеих сторон захватываются и подгибаются под себя: рыбак плотно сядет на них, и лод-

ка будет стоять неподвижно. Удилища должны лежать поперек лодки. По большей части вода бывает неглубока, тем более надобно тишины и осторожности в движениях, особенно при вытаскивании рыбы, которая очень хорошо берет в таких местах и очень крупная. Это ужение в полоях имеет особенную важность потому, что в знойное летнее время, кроме раннего утра и позднего вечера, и то на местах прикормленных, трудно выудить что-нибудь порядочное и в материке пруда, и в его верховье, и в реке, тогда как здесь добыча бывает иногда чрезвычайно изобильна и разнообразна. Весело смотреть на *кружок*³, привязанный к лодке с противоположной стороны, в котором ходят крупные окуни, язи, головли, лини, лещи и даже щуки!

Но, кроме сказанных выше причин, полдневное ужение на лодке имеет, по крайней мере для меня, своего рода совершенно особенную прелесть. Для многих она покажется непонятною; для многих даже невыносимы палящие лучи летнего полдневного солнца, которое, отражаясь в воде, действует с удвоенною силою; но я всегда любил и люблю жары нашего кратковременного лета. Пышет знойный полдень. Совершенная тишина. Не колыхнет зеленый, как весенний луг, широкий пруд, затканный травами, точно спит в отлогих берегах своих; камыши стоят неподвижно. Материк и

³ Кружком называется мешок из крепкой частой сети; в середину его вставляется обруч, нижний конец завязывается наглухо, а верхний собирается на крепкий шнурок, которым он и привязывается к чему случится.

чистые от трав протоки блестят, как зеркала, все остальное пространство воды сквозь проросло разнообразными водяными растениями. То ярко-зеленые, то темноцветные листья стелятся по воде, но глубоко ушли корни их в тинистое дно; белые и желтые водяные лилии, цвет лопухов, попросту называемые кувшинчиками, и красные цветочки темной травы, торчащие над длинными вырезными листьями, — разнообразный зеленый ковер, покрывающий поверхность пруда. Какая роскошь тепла! Какая нега и льгота телу! Как приятна близость воды и возможность освежить ею лицо и голову! Рыбе также жарко: она как будто сонная стоит под тенью трав. Завидя лакомую пищу, только на мгновение лениво выплывает она на чистые места, пронзаемые солнечными лучами, хватает добычу и спешит под зеленые свои навесы.

Всякому рыбаку известно, что нередко случается задевать крючками удочек за неровное дно, берег, камни, травяные и древесные корни, торчащие в воде неприметно для зрения, или ветви целых деревьев, нередко в ней лежащих. Много пропадает от того крючков и даже лес. Избежать таких невзгод нельзя, особенно если удишь в водах неизвестных; притом рыба, преимущественно окуни, именно в таких крепких местах любит держаться и, попавшись на удочку, сама натаскивает ее на задев. Итак, для отдевания удочек всегда надобно иметь гладкое железное кольцо, вершка в полтора в поперечнике, в один фунт или менее веса, привязанное на длинном, тонком и крепком шнурке; продев в него задний

конец удилища задетой удочки, надобно дать кольцу свободу бежать вниз сначала по удилищу, а потом по лесе, которую в это время держать несколько ослаби: кольцо, дойдя до крючка, отденет его своею тяжестью⁴. За неимением кольца можно довольно успешно отдевать удочки шестом точно так, как я говорил об отдеванье запутавшейся в траве рыбы. Но может случиться, что нет ни кольца, ни шеста и некому лезть в воду, чтобы отцепить крючок, — потеря его неизбежна; остается оторвать и сколько можно сохранить лесу; для этого нет другого средства, как навивать ее на удилище до тех пор, пока она лопнет.

Никогда не должно спешить отдеванием зацепившейся удочки. Очень часто бывает, что рак затаскивает крючок в нору, а рыба — под берег. Удилище надобно положить, не натягивая лесы; нередко случается, что через несколько времени удочка отцепится сама, то есть ее отцепит рыба, или выпустит рак, или вымоет из берега водой.

Иногда удочки отцепляются диковинным образом, но, без сомнения, это делает рыба. Я видел своими глазами, как удочку, задевшую грузилом за крутой берег, отцепила плотва, дернув книзу за крючок. Это и не мудрено; я видел, как крючок, воткнувшийся в деревянную плаху очень крепко, потому что я несколько раз сильно дергал удочку, рискуя да-

⁴ Я читал в одной французской книжке, что такое кольцо делается с двумя крючками, крепко припаянными к внешней стороне кольца один против другого, для того чтобы, задев крючьями за корягу, за которую зацепилась удочка, можно было ее вырвать и тем спасти крючок.

же оторвать, — был отцеплен рыбой, которая, схватив насаженный крючок сзади и потянув вниз, весьма легко сняла его с дерева. Этого мало — я задел один раз крючком на глубоком месте так крепко, что, пробившись более часа, бросил удочку, чтоб не пугать рыбу и отдеть после. Через полчаса я вижу, что вдруг наплавок исчез, лесу натянуло и тащит в воду, даже удилище; я схватил его и выволок большого окуня: насадка была раковая.

Теперь следует взглянуть вообще на все породы рыб, ловлю которых мы занимаемся.

О рыбах вообще

Стихия рыбы – вода; назначение – плавать в ней, для чего снабжена она многими плавательными перьями и ими же опущенным хвостом. Для погружения себя в воду и стояния на всех ее глубинах имеет она во внутренности своей пузырь, лежащий вдоль спинного хребта, наполненный воздухом и перетянутый на две неравные половинки: должно предположить, что посредством сжиманья и разжиманья этого пузыря рыба погружается вниз или поднимается вверх. Дальнейшие подробности внутреннего устройства рыб относятся уже к натуральной истории. Я поговорю о том, как и где живут они и как размножаются.

Трудно вообразить себе плодовитость рыб. Многие из них имеют такую мелкую икру и в таком множестве, что если бы она оплодотворялась и выводилась вся, то каждая рыба произвела бы ежегодно, может быть, миллион себе подобных и для помещения их не достало бы воды на земной поверхности. Но не то выходит на деле. Природа недаром снабдила таким изумительным обилием икры каждую рыбу самку, ибо, кроме того, что икра нередко остается неоплодотворенною, она истребляется каждую минуту окружающими ее в воде и живущими над водою в воздухе хищными врагами, для которых служит лакомой пищей. Не могу определить, в каком возрасте рыбы самки начинают *метать*, или *бить*,

икру, способную к принятию оплодотворения, а молоки самцов – получают способность оплодотворять; но то не подвержено сомнению, что икру и молоки через год после своего рождения ежегодно имеют маленькие, молодые рыбки, не достигшие и десятой доли своей природной величины. Каждая порода рыбы мечет икру в свое определенное время, так что эта операция производится почти круглый год⁵.

Когда наступит пора⁶ и рыбы самки почувствуют охоту или надобность выкинуть из себя обременяющую их икру, а самцы – молоки, и те и другие собираются стаями; самцы теснятся вплоть за самками, даже смешиваются с ними: первые выпускают икру, вторые обливают ее молоками; за ними следят другие породы рыб, преимущественно хищные: щуки, окуни, судаки, жерихи, налимы и проч., и даже не называемые хищными головли и язи⁷. Все они с жадностью глотают мелкие, как мак, яички, опутанные слизью, плавающие кучками в виде клочьев шерсти или паутин, держащиеся на

⁵ Многие охотники утверждают, что некоторые породы рыб мечут икру по два раза в год. Но я никак не могу с этим согласиться. Хотя икра во внутренности рыб (одной и той же породы) бывает точно в разное время года, но это только доказывает, что они мечут икру в разные сроки. Я убежден, что каждая рыба самка мечет икру один раз в год. Убеждение мое я основываю на медленности, с какою икра растет в рыбе: два раза в год – некогда совершиться этому процессу.

⁶ Эту пору узнает всякий, взглянув на пойманную в то время рыбу, особенно взяв ее в руки. Кроме того, что она бывает необыкновенно толста, даже пузаста – из самок течет жидкая икра, а из самцов – беловатая слизь, похожая на молоко.

⁷ Я полагаю, что все без исключения породы рыб едят всякую икру, даже собственную свою.

поверхности и на всякой глубине воды. Мечущие икру и молоки самки и самцы, особенно первые, стараются прижаться или удариться об что-нибудь жесткое; они трутся около берегов и водяных растений, предпочтительно около камыша и лопухов, около подводных коряг, корней и камней. Некоторые породы, как то лещи, караси и плотва, выскакивают беспрестанно из воды и шлепаются об ее поверхность, чтоб от движения и толчков свободнее вытекали икра и молоки. Сидя тихо и смирно с удочкой на берегу озера или речного залива, проросшего травами, а иногда притаясь в лодке в густых камышах пруда, я имел случай нередко, хотя поверхностно, наблюдать любопытную картину *рыбьего боя*⁸: при совершенной тишине в воздухе поверхность воды волнуется, как будто ветром, от вертящейся и прыгающей рыбы; брызги летят во все стороны, и плеск воды слышен издалека. В первый раз я был очень удивлен таким зрелищем. Я подошел с ружьем к небольшому озерку, кругом обросшему высокою и плотною гривою камыша, и вдруг услышал какой-то стран-

⁸ Процесс метанья, или боя, икры даже этих трех пород, сейчас мною названных, наблюдать очень трудно, потому что он происходит по большей части в травах или камышах, а главное потому, что рыба боится приближения человека. Некоторые рыбаки утверждают, что не самцы гонятся за самками, а напротив: самки за самцами, и всегда бывают гораздо в большем числе, чем самцы, что первые трутся около последних, загоняют их на мель, на густую траву, и, когда самец, обернувшись кверху брюшком, начнет изливаться молоки, — самки прямо в эту оплодотворяющую жидкость выпускают свою икру. Я не беру на себя решить, которое мнение справедливее. Оплодотворенная икра в теплое, солнечное время выводится через десять, двенадцать и четырнадцать дней.

ный шум воды; полагая, что он происходит от утиных выводков, я осторожно вошел в камыш, по колени в воде пробрался до его края и увидел — настоящую рыбью пляску, производимую средней величины плотвою. Не вдруг догадался я, что значит такое явление, хотя слышал о нем. Впоследствии несколько раз имел я случай наблюдать этот процесс у лещей и особенно у карасей; но при всем моем желании рассмотреть его в подробностях я никак не мог; пожирание же икры другими рыбами я видал сам, да и нахаживал ее часто в желудках пойманных рыб.

Другие породы рыб, особенно донные, то есть ходящие или плавающие обыкновенно по дну, как то ерши, пескари, гольцы, лини, а всего более налимы, которые мечут икру около святок, — при совершении этой операции, вероятно, трут-ся около берегов и подводных коряг или о хрящеватое, каменистое дно: последнее предположение доказывается тем, что именно на таких местах, именно в это время года, попадают налимы в морды или нероты. Выметываемая икра вышесказанными породами рыб, казалось бы, должна подвергаться меньшей гибели, потому что воды покрыты льдом да и рыба зимою не плавает везде, а стоит по своим местам; кажется, этих пород должно бы разводиться гораздо более других; но этого никак нельзя сказать, особенно о налимах. Без сомнения, есть другие причины, от которых также пропадает их мелкозернистая, бесчисленная икра.

Итак, при самом появлении рыбьих яичек начинается

их истребление; оно продолжается до полного образования мелкой рыбешки, которая, будучи окружена теми же врагами, может по крайней мере прятаться от них и спастись проворством своего плаванья и малостью роста. Кроме хищных и нехищных рыб, немало также поедает икру птица; самые главные истребительницы – утки, чайки и вороны: утки и чайки хватают ее, плавающую в воде, даже ныряют за ней, а вороны достают ее сухопутно, ходя по берегам и по мелкой воде, преимущественно около трав, куда икру прибивает ветром и где она, прилипнув к осоке или камышу, на которые всплескивается волнами, часто обсыхает и пропадает даром. Должно предположить, что в первый год или в первые года рыба растет очень скоро, потому что после вывода из икры, мелкой, как размоченный мак, достигает она в один месяц величины овсяного зерна в шелухе. Я убедился в этом собственными наблюдениями; о дальнейшем росте рыбы, а также о долговечности ее ничего положительного не знаю. Говорят и пишут, что щуки живут до трехсот лет, а карпии – более ста, чему, как уверяют печатно, были деланы несомненные опыты, ибо в пруды, которые никогда не сходят, но освежаются проточною водою или внутренними родниками, пускали маленьких щук и карпий с золотыми или серебряными кольцами, продетыми сквозь щечную кость, с означением на кольцах года: таких рыб ловили впоследствии (разумеется, уже потомки) и убедились по надписям годов в их долговечности.

Рыба имеет болезни, которые часто обнаруживаются черными пятнами по всему телу; если эти пятна находятся только на поверхности кожи, то рыба переносит их благополучно, но если чернота пойдет вглубь и коснется внутренних органов – рыба умирает. Около Москвы, в речках, по большей части припруженных, замечал я, что почти каждую осень на плотве появляются черные пятнышки; здешние рыбаки уверяли меня, что это происходит от осенней морозобитной травы, которою плотва питается, и что никакого вреда от того ей не бывает: кажется, это справедливо. В небольших непроточных прудах, в которых водятся караси в большом изобилии, нередко случается, что они, особенно белые, получают сначала кровавые, а потом черные пятна, но я редко замечал, чтоб караси именно от них снули. Я сначала думал, что пятна происходят от внутренних причин, но при внимательном рассмотрении я, наконец, увидел, что они происходят от укушения крошечных зеленых червячков, которые в иные года, особенно в жаркое и сухое лето, появляются в стоячих водах в невероятном множестве; они заползают под чешую карасей и кусают их до крови: в одной ранке я нахаживал более десятка червячков. Сверх того, в таких прудах водятся большие, зеленоватые водяные черви (вероятно, вырастающие из маленьких зеленых), завертывающие себя в трубочку, как будто склеенную из осоки, – водяные ящерицы и жуки⁹. Все они кусают и портят бедных карасей и препят-

⁹ Водяные червяки имеют способность выползать до половины из своих трубо-

ствуют их размножению и полному росту, а сидящих в плетеных сажалках или прорезях даже совсем заедают. Вдобавок вся эта гадость берет на удочку, насаженную навозным червяком, и мне часто случалось вытаскивать на крючках этих отвратительных гадин. Нигде я не встречал такого обилия и разнообразия этой подводной фауны, как около Москвы.

Иногда попадает снулая рыба без всяких наружных и внутренних признаков болезни, но кишки и пузырь оказываются как будто сморщенными и несколько высохшими.

Здоровье рыбы, без сомнения, зависит от хорошей воды и пищи. Все охотники знают, что в одной воде рыба бывает жирна, вкусна и бойка, в другой – тоща, безвкусна и вяла. Но какие качества воды и какая пища полезны или вредны для рыбы – мы решительно не знаем. Вода действует даже на цвет рыбы: не изменяясь в своих природных пестринах и отметинах, она изменяется в их яркости или цветности единственно от пересадки из одной воды в другую. Это дознано многими опытами: озерные караси, например, по большей части бывают яркого темно-желтого или золотистого цвета, а пересаженные в копаные, глинисто-мутные пруды делаются бледно-бланжевыми; окуни в иных реках бывают очень темны и ярко-пестры, но, посидев долго в пруде, становятся светлыми, белесоватыми: точно то же делается более или

чек и прятаться в них совсем. Водяные жуки – плоские, каштанового цвета, с беловатыми по краям обводками; они проворно ползают по земле и летают быстро по воздуху: поднимаются прямо из воды и опускаются прямо в воду. Мне сказывали, что подмосковные крестьяне употребляют их вместо пивовок.

менее и с другими породами рыб.

Рыба очень нередко задыхается зимой под льдом даже в огромных озерах и проточных прудах¹⁰: сначала, в продолжение некоторого времени, показывается она в отверстиях прорубей, высывая рот из воды и глотая воздух, но ловить себя еще не дает и даже уходит, когда подойдет человек; потом покажется гораздо в большем числе и как будто одурелая, так что ее можно ловить саком и даже брать руками; иногда всплывает и снулая. Как скоро число прорубей будет значительно увеличено – рыба отдыхает и скрывается. Это последнее обстоятельство произвело общую уверенность, что рыбадохнет от недостатка прорубей, то есть от недостатка продушин, в которые могли бы вылетать спершиеся водяные испарения и мог бы получаться свежий воздух. Это отчасти справедливо; но согласиться безусловно с таким заключением нельзя, и вот почему. 1) Все озера и пруды, и большие и малые, не находящиеся близ жилья человеческого, никогда не имеют прорубей, потому что некому и не для чего их делать; не имеют также и полыней, то есть мест незамерзших, бывающих, как известно, только на реках больших и быстротекущих: следовательно в таких прудах и озерах не должна бы совсем водиться рыба, особенно в изобилии; опыт показывает противное. 2) В прудах и озерах, находящихся в

¹⁰ Из многих мною самим виденных таких любопытных явлений самое замечательное случилось в Казани около 1804 г.: там сдохло зимою огромное озеро Кабан; множество народа набежало и наехало со всех сторон: рыбу, как будто одурелую, ловили всячески и нагужали ею целые воза.

селениях или близ селений, имеющих постоянные проруби для водопоя скота и других надобностей, рыба в иные года сдыхается под льдом при одинаковом числе прорубей. 3) Это сдыханье, при одних и тех же обстоятельствах, случается не каждый год, а лет через десять и более. Итак, из всего мною сказанного следует заключить, что есть какие-нибудь другие условия, при содействии которых дохнет рыба под льдом, но что независимо от этих причин рыба отдыхает, если будет увеличено сообщение воды с атмосферическим воздухом, и что содержание больших прорубей, ежедневно вычищаемых не только на прудах, не имеющих течения, и озерах, но даже на прудах проточных и даже на тихих омутистых реках, покрывающихся сплошным льдом, — для сохранения здоровья рыбы весьма полезно.

Рыба снёт иногда от примеси вредных посторонних веществ, как то навозной жидкости со скотных дворов и испорченной воды с фабрик и металлических заводов, если то или другое как-нибудь проникнет в озеро или пруд, преимущественно не проточный. Но на рыбу бывает повальный и внезапный мор от причин совершенно неизвестных. В последний раз мне случилось видеть такой мор в 1841 году: я жил это лето в подмосковном селе Ильинском; от него верстах в трех есть довольно большой, глубокий пруд и мельница при деревне Оборвихе на речке Сомынке; всякой рыбы много вошло в этом пруду, в нем нельзя было ловить неводом и даже бреднем по множеству подводных каршей, коряг и гу-

стой травы. Я ездил туда удить почти каждый день. Один раз (в исходе июля), подъезжая к пруду, я увидел, что все берега белелись, точно по краям воды лежал снег; подошед ближе, я рассмотрел, что это была снулая рыба: окуни, плотва, язички, головлики и небольшие щурята. Мельник сказал мне, что мор начался вчера. В снулой рыбе не оказывалось никаких признаков болезни; крупные язи и огромные щуки ходили поверху и кружились; крестьяне ловили их и употребляли в пищу без всякого вреда. Замечательно, что лини, караси и ерши остались невредимы. Я сейчас попробовал удить из любопытства: рыба брала изредка, но очень тихо и вяло и выуженная казалась почти снулою. Мор продолжался дней пять и вдруг прекратился. Через несколько дней клев начался по-прежнему, и в рыбе не было заметно никакого уменьшения: в окружающих водах рыба осталась совершенно здоровою. Очевидно, что это не была общая эпидемия и что причина ее была местная, находившаяся только в Сомынском пруде, в воде которого, однако, никакой перемены я заметить не мог. Мне рассказывали крестьяне, что будто какой-то пьяный солдат, поссорившись с мельником в кабаке, погрозил ему и, проходя мимо пруда, что-то в него бросил. Предоставляя на произвол каждого читателя удовлетвориться или нет таким объяснением, я, с своей стороны, скажу, что нам весьма еще малоизвестны как целительные, так и ядовитые вещества, особенно травы, которые знает народ. Одно верно, что сомынский мор рыбы происходил не от дурмана, не

от табаку, не от кукольванца, ибо действие этих отрав кратковременно и продолжается менее суток. Эти отравы производятся следующим образом: истертый в мелкий порошок табак, дурман, а всего чаще кукольванец, ибо он несравненно сильнее, смешивают с печеным хлебом или сырым тестом и раскидывают небольшими кусочками в тех местах, где более держится рыба, которая с жадностью их глотает. Через час или менее, смотря по качеству и количеству отравы, рыба делается пьяною, одурелою: выходит на мель, всплывает на поверхность воды, кружится, мечется, тычется в берега, даже иногда выскакивает на них и особенно забивается в камыши и травы, где они есть. Отравители, большею частию деревенские парни и мальчишки, нетерпеливо дожидавшиеся этой потехи, с громкими и радостными криками бегают по берегам, по мелкой воде, поросшей травой, берут снулую и ловят руками засыпающую рыбу: для крупной употребляют и сачки. Хотя в сравнении с прежним это губительное добывание рыбы значительно уменьшилось, но, к сожалению, все уверены, что отравленная таким образом рыба, даже снулая, служит безвредною пищею для человека. Хотя трудно с этим согласиться, но положим, что такая уверенность справедлива, да для рыбы эта отравка очень вредна: та, которая наглоталась кукольванца много, умирает скоро, всплывает наверх, бывает собрана и съедена; но несравненно большая часть окормленной рыбы в беспамятстве забивается под берега, под коряги и камни, под кусты и корни

дерев, в густые камыши и травы, растущие иногда на глубоких местах, – и умирает там, непримеченная самими отравителями, следовательно пропадает совершенно даром и гниением портит воду и воздух. Я даже думаю, что вся рыба, окормленная кукольванцем и отдохнувшая, потому что мало съела отравы, непременно должна долго хворать, терять способность к достижению полного роста и, может быть, к размножению своего потомства. Я замечал, что где часто окормливали рыбу, там она значительно уменьшалась, хотя число пойманной посредством отравы ничего не значило в сравнении с числом рыбы, какое вылавливали прежде ежегодно в той же воде обыкновенными рыболовными снастями. Замечено также, что после отравы кукольванцем рыба перестает брать на удочки.

Хищные породы рыб питаются мелкою рыбешкой; нехищные – глотают все, что ни попало: тем не менее питание этих последних иногда дело загадочное. В прудах, озерах и реках, поросших и проросших водяными травами и растениями, рыба кормится ими и водящимися около них водяными насекомыми и гадинами. Это понятно, и все рыбаки знают, что самую питательную пищу предоставляет рыбе молодой камыш, первые побеги которого на вкус сладки. Если подойти тихонько к пруду или озеру камышистому и травянистому и послушать внимательно, то удивишься, какой странный и неумолкаемый шум, даже чавканье, производит рыба, кушая траву. Но чем питается нехищная рыба в больших ре-

ках, текущих всегда в берегах песчаных, на которых не растет ни одной былинки, дно которых также песчано и чисто и где очень мало водится водяных насекомых? Наконец, чем питается рыба в деревянных сажалках, с деревянным дном, называемых *прорезями* (потому что они *прорезаны* или просверлены), в которых обыкновенно рыбаки держат пойманную рыбу иногда по несколько месяцев и никогда ее не кормят? На эти вопросы я отвечать удовлетворительно не умею. Поневоле надобно согласиться с мнением рыбаков, которые говорят, что рыба, кроме всякой другой пищи, питается тиной, илом, землею, песком и даже — одной водой. Пребывание в сажалках без корма только этим и можно объяснить, допустив предварительно, что всякая вода содержит в себе множество инфузорий, неприметных для глаза человеческого, следовательно питательна для рыбы уже сама по себе.

Весною при наступлении водополья, как скоро вода делается мутна, реки начнут прибывать и подниматься, рыба также поднимается кверху и идет против воды, сначала около берегов: тут ловят ее во множестве саками. Когда же реки выступят из берегов и разольются по поемным местам, рыба также разбредется по полям, не переставая упорно стремиться против течения воды. Это инстинктивное стремление бывает так сильно, что не выдавши трудно поверить: несмотря на ужасную быстрину, с которою летит спертая полая вода, вырываясь в вешняках или спусках из переполненных прудов, рыба доходит до самого последнего, крутого па-

дения воды и, не имея уже никакой возможности плыть против летящего отвесного вниз каскада – прыгает снизу вверх; беспрестанно сбиваемые силою воды, падая назад и нередко убиваясь до смерти о деревянный помост или камни, новые станицы рыб беспрестанно повторяют свои попытки, и многие успевают в них, то есть попадают в пруд. Во время весенних разливов рыба заходит в самые вершины рек, речек и ручьев; заходит в такие места, что трудно поверить, стоя на таком месте летом, чтобы тут ловили крупную рыбу крыленами или вятелями, ставя их сначала по течению, а потом против течения воды. Но как скоро *дрогнет* вода, то есть пойдет на убыль, рыба поворачивает назад и с таким же стремлением скатывается вниз, с каким до сих пор шла вверх, для чего немедленно бросается она из мелких мест в глубокие, из разливов – в материк. Нередко случается, однако, что, зайдя слишком высоко или далеко в луговые поймы, не находит она водяного пути для возвращения в реку и остается в ямках и бокалдинах: если увидят люди, то поймают ее, а если нет и бокалдины высыхают уединенно, рыба гибнет и достается на пищу воронам и разным другим птицам – иногда и свиньям. Рыба, застигнутая внезапно обмелением водяных сообщений в ямах, или, по-московски, в бочагах, переходит иногда из одного в другой *сухопутно*, прыгая по тому мокрому следу, где недавно бежала вода. Если же хотя крошечный ручеек останется, она перепрыгает по нем вниз непременно. Даже из копанных сажалок или прудков, сквозь кото-

рые протекает ручеек, рыба уходит этим самым способом, если только берега низки. Такие весенние путешествия рыбы снизу вверх и обратно повторяются отчасти при всякой случайной, но значительной прибыли воды: при внезапном прорыве огромных прудов и при *наводках*, случающихся от сильных и продолжительных дождей.

Не все породы рыб могут жить в одной и той же температуре воды: для одних нужна чистая, быстрая и холодная вода, для других – более теплая, тихая и даже стоячая, имеющая дно иловатое и тинистое. Я скажу об этом поточнее в описании рыб, а здесь означу только порядок, следуя которому живет одна порода за другою почти во всякой реке. Большая часть рек начинаются холодными, как лед, ключами; протекая на открытом воздухе, прогреваясь солнечными лучами, увеличиваясь разными притоками – они постепенно теплеют. В самой голове таких ключей или родников живет форель, то есть пеструшка, кутема и лох, или красуля; за ними лошок, голец и налим. Потом появляются головль, плотва, окунь, щука и пескарь; далее – уклейки, ельцы, ерши, язи, судаки и жерихи, если вода велика; наконец – лещи, лини, карпии и караси. Некоторые из поименованных пород, как то гольцы и караси, могут жить и водиться в водах самых холодных и самых теплых, в самых чистых и в самых грязных. Разумеется, точность такого порядка иногда нарушается; но где же нет исключений от причин и обстоятельств местных. Итак, все породы рыб могут жить в одной и той же

реке, если течение ее *продолжительно*, только одни выше, где вода холоднее и чище, а другие ниже, где вода теплее и мутнее: в этом убедиться нетрудно, исследовав течение какой-нибудь порядочной реки. В водополье вода везде одинакова: везде мутна и холодна, и рыба, обыкновенно обитающая в теплой сравнительно воде, поднимается вверх до самых холодных ключей; но при возвращении назад, если случайно что-нибудь захватит ее в таких местах, где вода для нее еще холодна, или, наоборот, скатится она слишком низко, так что вода для нее окажется уже тепла, – рыба или поднимется выше, или опустится ниже, только непременно отыщет сродную ей температуру. Если не может этого сделать в тот же год по причине прудовых затворов и решеток, то непременно сделает в следующую весну. Непреодолимость такого стремления к обычной температуре воды испытали многие охотники, пробуя развести у себя в пруду те породы рыб, которые водились в той же самой реке, только несколько верст пониже. Все усилия оказывались бесполезными: сажали рыбу мелкую и крупную, днем и ночью, во все времена года, держали сначала месяца по два в сажалках, загороженных в том же пруду, – ничто не помогало. Весной рыба поднималась вверх, так что ее ловили верст за пятнадцать выше, и потом вся без остатка скатывалась вниз. Итак, оставалось одно средство: заставить рыбу выметать икру в той самой воде, где назначалось жить ее потомству, и оно иногда удавалось.

В проточных небольших родниковых прудах, имеющих всегда свежую и даже холодную воду, которые весной мало прибывают от полой воды и *никогда не уходят*, спуски которых всегда загораживаются решетками и верховья мелки, будет жить всякая рыба, хотя бы температура воды не сходилась с натурой рыбы, но будет только *жить*, а не *водиться*: даже не достигнет полной природной величины своей. Самый лучший способ, да и более удающийся, к разведению известных рыбьих пород в проточных и непроточных прудах, в которых они сами собой не держатся или не заводятся, состоит в следующем: надобно ловить рыбу, которую желаешь развести, перед самым метаньем икры; на каж-дых шесть икранных самок отобрать по два самца с молоками, посадить их в просторную сквозную огородку или сажалку, устроенную в назначенном для того пруде; когда из выметанной в свое время икры выведется рыбешка и несколько подрастет – загородку разобрать всю и рыбу выпустить в пруд: старая уйдет, а молодая останется и разведется иногда, если температура воды не будет уже слишком много разниться с тою, в которой была поймана старая рыба. Точно таким образом разводят и раков¹¹

¹¹ Я имел случай убедиться, что раки могут жить в густой тине или в речном иле глубиною более аршина от земной поверхности. Один раз, в исходе лета, при мне чистили сруб родникового колодца, глубиною с лишком в два аршина, который весеннею полою водою поднимался и был доверху занесен земляным илом и тиной очень плотно; не знаю, почему он не был вычищен ранее. На полуторааршинной глубине, где пошла земля помокрее, начали попадаться крупные, живые

раки; их выкидали десятка два, и они были отлично жирны и вкусны; итак, раки могут обходиться почти без воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.